

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-193-205>

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ТРУДАХ АНАТОЛИЯ ФЕДОРОВИЧА КОНИ

Александр Яковлевич Кодинцев¹

Юрий Владимирович Мишальченко²

^{1,2} Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Васильевский остров, 10-я линия, д. 19

¹ balsak1@yandex.ru

² myv2008@mail.ru

Аннотация

Одной из сфер уголовного права, интересующих Анатолия Федоровича Кони, была группа преступлений, связанных с интересами государства. Тему политических преступлений он старался избегать, а преступления служебные, против печати, против паспортной системы и прочие рассматривал с большим интересом. Обер-прокурор и сенатор подвергал устаревшие нормы в сфере уголовного права жесткой критике. Он отмечал их неэффективность, их, зачастую, бессмысленность, фактическое отсутствие объекта преступления и прочее. Критика устаревших норм повлияла на процедуру их отмены в начале XX в., в момент принятия нового Уголовного уложения империи. Анатолий Федорович считался одним из специалистов по проблематике служебных преступлений, уже в 1870-х гг. он выработал ряд предложений по изменению порядка рассмотрения дел по таким деяниям и по изменению меры ответственности за совершение правонарушений в этой области. Будучи членом Государственного Совета Кони вновь поднимал вопрос об изменении отношения к служебным преступлениям. В итоге бюрократия так и не позволила отменить громоздкий порядок рассмотрения дел по должностным преступлениям. Много десятилетий они сопротивлялись введению общего порядка судопроизводства по должностным преступлениям и способствовали дискредитации государственной власти. Успешнее была деятельность обер-прокурора и сенатора при модернизации понятий в сфере преступлений против паспортной системы и преступлений печати. В конечном счете возобладали идеи Кони, и законодательство империи было изменено

в пользу расширения и защиты прав личности по названным деяниям. Анатолий Федорович специализировался также и на других группах преступлений, но не оставил специальных работ (за исключением религиозных и половых преступлений).

Ключевые слова: А. Ф. Кони; преступления против государственной власти; преступления против паспортной системы; служебные преступления; должностные преступления; преступления печати; присяжные заседатели; Уголовное уложение; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных; клевета.

Для цитирования: *Кодинцев А. Я., Мишальченко Ю. В.* Преступления против государственной власти в трудах Анатолия Федоровича Кони // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 1. С. 193–205. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-193-205>

Research Article

CRIMES AGAINST STATE POWER IN THE WRITINGS OF ANATOLY FEDOROVICH KONI

Alexander Ya. Kodintsev¹

Yury V. Mishalchenko²

^{1,2} St. Petersburg Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice, 19 10th Line, Vasilevskii Island, St. Petersburg, 199178, Russia

¹ balsak1@yandex.ru

² myv2008@mail.ru

Abstract

One of the areas of criminal law of interest to Anatoly Fedorovich Koni was a group of crimes related to the interests of the state. He tried to avoid the topic of political crimes, and considered official crimes, against the press, against the passport system and others with great interest. The Chief Prosecutor and Senator harshly criticized outdated norms in the field of criminal law. He noted their ineffectiveness, their often meaninglessness, the actual absence of the object of the crime, and so on. Criticism of outdated norms influenced the procedure for their abolition at the beginning of the twentieth century, at the time of the adoption of the new Criminal Code of the empire. Anatoly Fedorovich was considered one of the specialists in the field of official crimes, already in the 1870s he developed a number of proposals to change the procedure for considering cases of such acts and to change the measure of responsibility for committing offenses in this area. As a member of the State Council, Koni again raised the issue of changing attitudes towards

service crimes. As a result, the bureaucracy did not allow abolishing the cumbersome procedure for considering cases of malfeasance. For many decades they have resisted the introduction of a general procedure for legal proceedings in malfeasance and contributed to the discrediting of state power. The activities of the chief prosecutor and the senator were more successful in the modernization of concepts in the field of crimes against the passport system and crimes of the press. Ultimately, Koni's ideas prevailed and the empire's legislation was changed in favor of expanding and protecting the rights of the individual in these acts. Anatoly Fedorovich also specialized in other groups of crimes, but did not leave any special work (with the exception of religious and sexual crimes).

Keywords: A. F. Koni; crimes against state power; crimes against the passport system; official crimes; malfeasance; crimes of the press; jurors; Criminal Code; Code of criminal and correctional punishments; slander.

For citation: *Kodintsev A. Ya., Mishalchenko Yu. V. Crimes Against State Power in the Writings of Anatoly Fedorovich Koni. Herald of the Russian Law Academy, 2023, no. 1, pp. 193–205. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-193-205>

Введение

Среди бесчисленного числа работ знаменитого юриста А. Ф. Кони выделяется группа исследований, посвященных уголовному праву. Анатолий Федорович выполнял работы по теории уголовного права, по уголовному законодательству зарубежных государств, отдельным группам преступлений. В их числе работы по правонарушениям, которые современный Уголовный кодекс относит к преступлениям против государственной власти. В их числе преступления против государственной власти (должностные) – 30 глава, преступления против порядка управления – 32 глава. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. нормы, изучавшиеся Кони, содержались в 5 разделе (о преступлениях и проступках по службе государственной и общественной), 8 разделе (о преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния). В юридической литературе ни одна из работ знаменитого юриста по названной проблематике освещения не получила.

О роли А. Ф. Кони в истории уголовного права публикаций очень мало [1]. Большинство его работ в этой области никогда не были напечатаны. В 1994 г. вышла небольшая публикация Э. Ф. Побегайло «Кони и уголовное право» [2]. К примеру, в работе диссертанта А. В. Шаповалова (2005 г.) «Правовые взгляды А. Ф. Кони и их влияние на проводимую в России судебно-правовую реформу» уголовно-правовые воззрения юриста не упоминаются. Все сведено к уголовному процессу и, немного, к судоустройству [3]. Выходили работы по диссертации Кони (1866 г.) о необходимой обороне. Участие Кони в выработке уголовно-правовой политики также упоминает Кордин Карла (Кельн-Базель) [4]. Существует много публикаций по отдельным процессам, которые проводил А. Ф. Кони. В нашей работе мы их не приводим.

Основные темы, которые разбирал Анатолий Федорович, относились к преступлениям против паспортной системы, должностным преступлениям, преступлениям печати и пр.

1. Должностные преступления и преступления против порядка управления в столичном округе империи в 1870-е гг.

20 января 1875 г. молодой прокурор Санкт-Петербургского окружного суда Кони представил министру юстиции обширную записку с анализом причин вынесения большого количества оправдательных приговоров по должностным преступлениям и преступлениям против порядка управления судами округа в 1871–1872 гг. Записка была составлена по запросу министра.

Кони констатировал значительное количество оправдательных приговоров по должностным преступлениям судом (Санкт-Петербургским) с участием присяжных заседателей (далее – ПЗ). С первых же строк молодой петербургский прокурор излагал мнение многих людей о некомпетентности ПЗ по делам о должностных преступлениях. Проблема, по его мнению, заключалась в том, что ПЗ могли объективно оценивать житейские преступления, которые им очевидны и понятны. Другое дело – преступления против учреждений или абстрактных категорий. Тут присяжные сразу же были склонны оправдывать виновного за непонятные им правонарушения.

Такую точку зрения Кони отвергал. Он считал, что причины большого количества оправданий кроются в порядке возбуждения и предания суду дел о должностных преступлениях (процессуальные нарушения), бытовых особенностях таких дел и в недостатках Уложения о наказаниях (далее – УН). Возбуждение уголовного дела целиком зависело от начальства обвиняемого, при этом оно могло закончить дело в административном порядке, истребовать объяснения и пр. Дела затягивались и часто поступали к следователю по прошествии длительного времени, когда многие улики уже исчезли. Начальство стремилось скрыть улики, чтобы избежать нежелательной огласки. Более того, одни обвиняемые выгораживались, другие «списывались». Присяжные же оказывались перед выбором – как обвинить одного виновного, если другой избежал наказания? Например, при возбуждении уголовного дела против полицейского чина низшие служащие немедленно увольнялись и предавались суду, а средние и высшие служащие даже не увольнялись [5, л.1-8].

Из должностных преступлений наиболее распространенными являлись растрата, присвоение и лихоимство. Анализируя растрату, Кони указывал, что в большинстве случаев она совершается необдуманно, по легкомыслию, по непониманию последствий. Большой процент (до 80%) растрат приходилось на сельских старост, которые совершали растрату в силу безграмотности, используя средства общины для покрытия недоимок за предыдущие годы. Сами старосты за свой труд оплату не получали. Как следствие присяжные испытывали к ним жалость [5, л.8-12].

Значительная часть растрат приходилась на расхищение леса при участии лесной стражи. И опять это были низшие чины. Причем лесные чины привлекались к суду и оказывались перед судом присяжных за совершение растрат леса, измеряемых несколькими рублями. Значительное число людей привлекалось за растраты совершенные вследствие беспорядочного ведения финансовой документации в организациях: судебных, городских, театральных и прочих [5, л.12-16].

Суду присяжных подлежали дела о лихоимстве и вымогательстве (ст. 373 и 377 УН). И здесь привлекались к суду низшие чины. Серьезные преступники действо-

вали очень хитро и осмотрительно. Присяжные вновь сочувствовали мелким коррупционерам, совершающим преступления из нужды, особенно на фоне уклонения от ответственности влиятельных людей. Тем более что зачастую суммы взяток были совершенно ничтожны. Далее Кони приводил примеры смехотворных сумм.

Какие же меры необходимо было принять для устранения недостатков по делам о должностных преступлениях? Прежде всего Анатолий Федорович предлагал изменить порядок предания суду должностных лиц и установить точный срок для представления объяснений. Следствие, руководствуясь ст. 1089 УУС необходимо было назначать сразу же после обнаружения преступления. Необходимо было ввести строгую финансовую отчетность для сельских властей. Необходимо ввести обязательную грамотность (за восемь лет из 39 привлеченных к ответственности старост и старшин 22 были неграмотными, а семь – малограмотными). Необходимо было пересмотреть 5 раздел УН. Необходимо было отказаться от казуистичности и ввести общие признаки однородных преступлений с предоставлением суду большей свободы в определении мер наказания. Мелкие дела (простое лихоимство (?), второстепенные подлоги (?)) можно без вреда смягчить. Кони предлагал разделить должностные преступления на две группы: общие и специально-служебные [5, л.16-20].

Следующая группа преступлений – против порядка управления. Их было меньше, чем должностных. Только небольшая их часть рассматривалась с участием ПЗ. Число оправдательных приговоров с участием ПЗ Санкт-Петербургского окрсуда достигало 47% за восемь лет, без участия ПЗ – 20%. К числу групп преступлений относились: сопротивление распоряжениям правительства и неповиновение властям (ст. 262–275 УН), оскорбление и явное неуважение к присутственным местам и чиновникам (ст. 276–288 УН), самовольное присвоение власти и составление подложных указов (ст. 289–302 УН), похищение бумаг и сорвание печатей (ст. 303–307 УН), взлом тюрем, увод и побег арестованных (ст. 308–317 УН). Дела по таким преступлениям расследовались быстро.

Тем не менее процент оправдательных приговоров был велик. В чем же дело? Опять обвиняли присяжных. Сельские ПЗ якобы малограмотны и несведущи, а городские (Петербург и Кронштадт) тенденциозны и предвзяты. Так ли это? Обвиняемыми, как правило, являлись торговцы, бедные дворяне, «обитатели дома Вяземского»¹ и проститутки. Городские преступления отличались удалством и противостоянием полиции. В сельской местности основные преступления состояли в неисполнении предписаний старост и старшин при сборе податей (семейные преступления).

Как только городские присяжные обнаруживали «упорное» преступление и правильные действия полиции они всегда выносили обвинительный приговор. Исключение составляли дела об оскорблениях должностных лиц. Значительное их число было сфальсифицировано «пострадавшими» и рассыпалось в суде ПЗ. По таким делам часто имелись случаи превышения власти, составление протоколов задним

¹ «Дом Вяземского» – комплекс из 13 домов, располагающихся возле Сенной площади, являвшийся крупнейшим воровским притоном в Санкт-Петербурге (варианты: *малинник*, *мышеловка*). Сейчас это участок домов по Московскому проспекту от метро Садовая до Фонтанки.

числом. Кони выявил интересную закономерность. Чаще всего оправдательные приговоры выносили по делам об оскорблении надзирателей, смотрителей и судебных приставов. Дела об оскорблениях участковых приставов и мировых судей часто заканчивались обвинительными приговорами. По мнению Кони, в первом случае мы имели дело с «недостаточной развитостью» низших чинов. Они притязательны, обидчивы, не отличали статус частного лица и служащего. Часто на суде пострадавшие не могли подтвердить свои показания. Кони привел много примеров неправильных действий кронштадтской полиции и упомянул, что в 1873 г. три дела об оскорблениях полицейских чинов Кронштадта, рассматриваемых вне коллегии ПЗ, также закончились оправдательными приговорами. Напротив, возбуждались уголовные дела против чинов полиции Кронштадта [5, л.26-35].

На ПЗ влияла чрезмерная строгость УН. Ознакомившись с делом, ПЗ часто выносили оправдательный приговор. Но ровно также поступал и окружной суд, редко оправдывающий, но часто выносящий мягкие приговоры. В сельской местности основное сопротивление оказывалось неплательщиками налогов и сборов. Отношение к ним со стороны органов сбора налогов было как к неприятелям и врагам. Часто за крестьянской грубостью скрывалось насилие со стороны должностных лиц. Взыскание никогда не откладывалось, налагалось на имущество производителя. Такие обвиняемые вызывали у ПЗ глубокое сочувствие, так как они проецировали их опыт на себя.

Что же делать? Кони предлагал уменьшить меры наказания по ст. 271 (ссылка в Сибирь), 272 (ссылка в Сибирь), 273 (заключение в смирительный дом), 285 (заключение в смирительный дом) УН. Низшей мерой наказания являлось заключение в тюремный дом. Кони предлагал почти все меры наказания за эти преступления свести к разным срокам тюремного заключения. Сами наказания были несбалансированы. Например, составы преступлений ст. 271 (насилие в отношении представителя власти или сопротивление постановлениям власти) и 285 УН (насилие в отношении представителя власти при исполнении им служебных обязанностей) очень схожи. В одном случае преступник оскорблял государство, в другом должностное лицо. Но как это разграничить? Надо уравнивать эти деяния, при этом выбирать среднюю между двумя действующими наказаниями меру ответственности. Кони отмечал, что, как ни странно, применение отдельных мер наказания предусмотренных ст. 285 УН выглядело как льгота для низших групп населения (лишение права занимать общественные должности). Вообще не было никакой необходимости привлекать присяжных по делам по ст. 271 и 285 УН, достаточно было рассмотрения этих дел окружными судами без участия ПЗ [5, л.35-45].

2. Законопроект о служебных преступлениях в начале XX в. и мнение А. Ф. Кони

Вопрос об изменении системы служебных преступлений возникал еще не раз, но всегда высшая администрация спускала его «на тормозах». Более того, в 1889 г. рассмотрение дел по служебным преступлениям было изъято из суда присяжных и передано в судебные палаты с участием сословных представителей. В 1903 г. была сформирована новая комиссия по разработке Устава о служебных преступлениях.

Проект поступил для обсуждения в момент 1 русской революции. В Государственной Думе он подвергся подробному обсуждению. Предлагалось ввести прокурорский надзор по служебным делам, передать служебные преступления в ведение ПЗ. Однако проект, поступивший в 1909 г. в Госсовет, подвергся радикальному пересмотру. Так как он расходился с проектом Госдумой, его возвратили в нижнюю палату. После длительного обсуждения 19 ноября 1911 г. новый вариант проекта был утвержден в Думе. Разработчики проекта подкрепляли свои аргументы прямыми ссылками на Кони, памятуя об его отношении к системе служебных преступлений.

В 1912–1913 гг. Госсовет повторно рассматривал законопроект о служебных преступлениях (комиссия по законопроекту «об изменении порядка производства дел о преступных деяниях по службе и о взыскании вознаграждения за вред и убытки, причиненные неправильными действиями служащих»). Проект был существенно изменен. ГС возродил согласование возбуждение дел с администрацией, был почти исключен прокурорский надзор, удлинены сроки возбуждения и рассмотрения дела. Предполагалось сохранить особые присутствия для рассмотрения дел о должностных преступлениях в палатах и в Сенате. То есть почти целиком сохранялся старый порядок ведения дел. Кони был одним из немногих членов Совета, который выступал за проект Государственной Думы – полностью соответствовавший его взглядам.

Проект снова поступил в Государственную Думу, где «пошел по третьему кругу». Дума, соглашаясь на мелкие изменения, сохраняла основные позиции в силе и в феврале-апреле 1914 г. подтвердила свой старый проект. Проект вновь поступил в Госсовет в 1915 г. После долгих раздумий комиссия законодательных предположений ГС вновь с марта 1916 г. начала обсуждать проект [6, л.1; 7; 8; 9]. Одновременно в феврале 1916 г. в Госдуме при поддержке министра юстиции началась очередная отчаянная попытка отмены административной гарантии для чиновников по коррупционным делам (о мздоимстве и лихоимстве). Предполагалось ввести по данной категории дел общий порядок судопроизводства и устранить «прикрытие» служащих со стороны их начальников (ст. 1085 УУС). И этот проект вяло обсуждался вплоть до второй русской революции [10, л.7-24].

Только в ноябре 1916 г. началось обсуждение законопроекта «об изменении порядка производства дел о преступных деяниях по службе и о взыскании вознаграждения за вред и убытки, причиненные неправильными действиями служащих» в общем собрании Госсовета. Кони как специалист по служебным преступлениям посчитал необходимым выступить с большим докладом о порядке их расследования и рассмотрения. Анатолий Федорович приводил старые и новые аргументы в пользу необходимости передачи служебных дел в суд ПЗ.

В произнесенной речи сенатор отмечал, что служебные преступления подлежали суду ПЗ 23 года (с 1864 по 1887 г.) и возвращение к такому суду – это «суд по старине». В 1878 г. был введен суд судебных представителей (далее – СП) по преступлениям против порядка управления. Как отмечал в 1881 г. председатель Санкт-Петербургской судебной палаты Муравьев, эта передача не достигла целей и усиления репрессий не произошло. Как и суд ПЗ, суд СП часто выносил оправдательные приговоры. В 1890-е гг. суд с ПЗ вынес 66,5% обвинительных приговоров, суд с СП –

69,5%. В суде СП дела рассматривались крайне медленно. Анатолий Федорович привел в качестве примера дело, рассматриваемое в СП. Оно три раза переносилось из-за неявки предводителя дворянства. Суд был неэффективен.

Министры юстиции несколько раз сообщали о ненужности суда СП по делам о служебных преступлениях. Против такого суда в 1895 г. выступили прокуроры и старшие председатели судебных палат. Законы 1889 и 1894 гг. позволили замещать руководителей сословных органов второстепенными персонажами, вплоть до секретарей дворянских собраний и членов городских присутствий. Кони сравнивал СП с шеффенами в Германии. Тем временем количество преступлений по службе быстро росло. Так, с 1906 по 1911 г. число таких деяний выросло в четыре раза [11, л.1-5].

Советник, окунаясь в историю, вспоминал, что дискредитация суда ПЗ закончившаяся исключения дел о служебных преступлениях из их компетенции в 1889 г. не была обоснована. Списки ПЗ составлялись как попало, в них попадали даже умершие поданные, должностные лица, занятые по службе, бедные люди (инфляция обесценила денежный ценз, установленный в 1864 г.) (только в 1913 г. было введено денежное содержание присяжных), присяжные не информировались о наказании, предусмотренном для обвиняемого (эту норму отменили только в 1909 г.). Советник приводил примеры громких дел, удачно рассмотренных судом ПЗ, поддерживал проект министра юстиции Щегловитова о возвращении служебных преступлений в компетенцию присяжных.

Альтернатива ПЗ – суд сословных представителей себя полностью не оправдал. Уже в конце XIX в. постоянные замены сословных представителей на мелкие чины обесценила первоначальную идею законодателя. Суд СП оправдывал обвиняемых за должностные преступления ничуть не меньше, чем суд ПЗ и допускал еще большие ошибки. Ни знание закона, ни государственное чутье они не продемонстрировали. Аргументы о мщении со стороны ПЗ в отношении служащих безосновательны. О каком мщении может идти речь, когда сама процедура возбуждения уголовного преследования была настолько затруднена, что администрация может вмешиваться в процесс возбуждения дела на многих стадиях процесса.

Представление о том, что привлечение к ответственности служащего нарушает дисциплину очень странно. Ведь его задача и задача его начальника – следовать закону. Сохранение старой процедуры возбуждения уголовного дела в отношении обвиняемых означает покровительство преступникам. На судей СП проще было оказывать давление. В самом суде СП оказывалось меньше, чем коронных судей (3 против 4). В конечном счете Кони делал вывод, что этот суд бессмыслен [12, с. 1153–1156; 13, с. 1179–1183]. Вплоть до второй русской революции Устав о служебных преступлениях так и не был принят.

3. Преступления против паспортной системы

28 ноября 1880 г. в Санкт-Петербургском юридическом обществе Анатолий Федорович сделал доклад об основных проблемах применения норм по преступлениям против нарушений паспортной системы. Доклад основывался на данных собранных Кони на должностях прокурора и судьи. Тема была выбрана в связи с чрезвычайной спорностью группы преступлений, упоминаемых в ст. 975, 976, 977 УН. Эти статьи

предполагали составы преступлений: подделка паспорта, переправка паспорта (изменение времени и места), проживание по чужому паспорту. Все эти преступления влекли суровые наказания и потому подлежали суду присяжных.

За 1866–1880 гг. коллегия ПЗ Санкт-Петербургского окружного суда рассмотрела 216 таких дел, было привлечено 281 лицо. Оправдательные приговоры были вынесены по 135 делам, оправдано 170 человек. За эти приговоры ПЗ подвергались постоянным нападкам. Однако преступления против паспортных правил – преступления против системы. В них не было потерпевших физических и юридических лиц. Направленность преступления представлялась отвлеченной, непонятной категорией. Вообще при этих преступлениях не находилось многих признаков состава. Присяжные не находили внешние проявления (нет потерпевшего, вреда, насилия, коварства), нет и внутренних (нет особых приготовлений, страдал сам обвиняемый, нет корысти).

Что же в реальности сделал подсудимый? Тут присяжные сталкивались с хорошо известным им явлением. Паспортная система в России была самой запутанной в Европе. На континенте весь XIX в. шло смягчение паспортных правил, кроме России. Анатолий Федорович констатировал: «Из многих неудобств, усугубляющих тяжесть жизни простого русского человека – паспорт есть одно из тячайших». Она тормозила экономическое развитие, ограничивала трудовую миграцию. Система была устроена так, что без паспорта крестьянин не мог отлучиться в приходскую церковь, в другом селении; не мог отвезти товары на сельский базар. Всякая отлучка с места жительства считалась побегом! (ст. 601 Устава о паспортах). Паспорт отдавал народ на произвол низших административных чинов. Волостной писарь, старшина, сборщик податей манипулировал крестьянином – давая или, не давая ему паспорт. Письмоводители полицейских кварталов брали с беспаспортных крестьян взятки.

Не сумев быстро достать паспорт или потеряв его, крестьянин арестовывался и этапировался в свою деревню. Содержащиеся в острогах крестьяне проходили «университеты» у «бывалых», т.е. у профессиональных уголовников. Часть людей смирялась и приобретала фальшивый паспорт.

Паспорт не нужен был полиции и фиску. Государственные комиссии с 1857 г. без конца обсуждали изменение паспортной системы. Проходили десятилетия, но ничего не менялось. Почему? Кони находил ответ в том, что паспорта были тесно связаны с податной системой. Паспорт привязывал податную единицу к общине. Невыплативший подать крестьянин паспорт не получал.

Далее Анатолий Федорович перечислял дискриминационные ограничения, падающие на беспаспортного. Подсудимый, представший перед судом, вызывал у ПЗ сочувствие. К тому времени он уже несколько месяцев провел в тюрьме. Но иногда более двух лет! В первую очередь ПЗ оправдывали обвиняемых за подделку паспорта (ст. 976 УН) (оправдано из 26 – 19 человек). Так оправдывались обвиняемые, которые по объективным причинам не успевали продлить паспорт, когда изменялся возраст для вступления в брак. Две трети обвиняемых оправдывали по ст. 977 УН – проживание с чужим видом. Оправдывали несчастных бездетных жен, бегущих от мужей и свекровей. Некоторые из них жили по чужим паспортам до 20 лет. Вообще чаще попадались обмены паспортов, особенно между

родственниками, люди жили по найденным паспортам и пр. Всех этих подсудимых присяжные оправдывали.

Третье преступление – подделка вида на жительство (ст. 975 УН). Присяжные осознавали вредность этого преступления и оправдывали не более 25% обвиняемых. Например, в Петербурге за 15 лет из 51 обвиняемого оправдано было только 16 человек. Среди оправданных преобладали лица, пользующиеся паспортами длительное время [14, с. 447–460]. В 1890-х гг. законодательство империи о паспортной системе было либерализовано.

4. Роль А.Ф. Кони в квалификации преступлений печати

Одной из важных тем, занимающих Кони, были «преступления печати». Подробно эта тема была описана в статье, посвященной правонарушениям в сфере печати [15]. Анатолий Федорович разрабатывал эту тему несколько десятилетий, специализировался на ней, руководил комиссиями по вопросам, связанным с деятельностью издательских организаций.

В письме к директору департамента полиции В. К. Плеве (24 октября 1886 г.) обер-прокурор Кони высказывал свое мнение о клевете в печати как уголовно-наказуемом деянии. Ее он определял, как «незаведомо истинное обвинение» (по материалам дел). При определенных условиях за клевету должен был отвечать не только автор, но и редактор. Как утверждал Кони его мнение, что одновременное обвинение по одним и тем же фактам и в клевете и в диффамации, а также переходе от одного обвинения к другому – невозможны (Сенат согласился с мнением обер-прокурора) [15, с. 11; 16, л.1]. В следующем письме, 6 декабря 1886 г., обер-прокурор отмечал, что клевета не может быть содеяна без намерения. Для оправдания клеветнику необходимо иметь положительные данные, убеждающие его в справедливости рассказа. Если же он был распространителем, то должен получить информацию из заслуживающего доверия источника. Кони горячился, настаивая на усилении защиты чести. И, добился принятия определения Сената по точной квалификации понятия «клевета» [16, л.3-4].

20 января 1893 г. в юридическом обществе Санкт-Петербурга молодой правовед Г. Б. Слиозберг сделал доклад «о преступлениях печати». Находясь под впечатлением от доклада, Кони прочитал свой ответ. Он отметил крайнюю отсталость закона и высказал идею, что экспертиза состава преступления невозможна, только события преступления. Деятель искусства сам должен сознавать свою ответственность. Специальная экспертиза тут не нужна.

Необходимо было определить способ распространения развращающего произведения. Научные книги о половых проблемах или гинекологии не являлись преступными и, наоборот книги, прикрывающиеся научностью (Кама-Сутра и пр.) пропагандировали порнографию. Для этого экспертиза не нужна, достаточно разумения судьи.

Также не было нужды в экспертизе научной в случаях колебания законности, оспаривания основ собственности и семьи. Кто в таких случаях сможет выступить «настоящим экспертом»? Лицо подверженное взглядам одного из направлений? Научные теории, утверждаемые в категоричной форме, ниспровергались. Идея корпоратив-

ного суда издателей-писателей, хороша, но все-таки такое учреждение не будет беспристрастно. Нет ничего лучше коронного суда [15, с. 13–15; 17, с. 547–552].

В 1903 г. было создано Особое совещание по разработке Устава о печати. В его составе была сформирована подкомиссия по разработке уголовных законов в сфере печати. Возглавил ее Кони. Подкомиссия предложила дополнить ст. 36 Уголовного уложения 1903 г. (далее – УУ) (о запрещенных вещах) пунктом о полном уничтожении произведений печати преступного содержания. Кони и его соратники предлагали расширить санкцию ст. 128 УУ (о дерзостном неуважении верховной власти, произведенном публично) и включить в нее не только ссылку на поселение, но и заключение в крепость. Также было предложено ввести эту меру наказания для ст. 129 УУ. Они предлагали ввести ст. 129-1 УУ, в которой появлялся специальный состав преступления. Предполагалось заключение в тюрьму за произнесение или чтение речи, или сочинения, а также за распространение или публичное выставление сочинения/изображения, возбуждающих вражду между частями государства, частями или классами населения, между сословиями или между рабочими и хозяевами.

Общей тенденцией в работе подкомиссии стало суровое ужесточение ответственности издателей. Она предлагала ввести ст. 303-1 и 303-2, предусматривающие тюремное заключение всего лишь за помещение в заявлении об открытии издания ложных сведений об условиях, на которых они могут быть издателями или ответственными редакторами. В то же время подкомиссия предлагала устранить статьи, которые стремительно устаревали, например ст. 308 УУ, которая предполагала мелочную ответственность за публикацию выходных данных автора без предварительной цензуры МВД [15, с. 15–16; 18, л.1-28].

Заключение

Проблемы применения права по преступлениям против государства (кроме политических) относились к сфере интересов Анатолия Федоровича Кони. Они, как и религиозные, транспортные преступления, вызывали настолько сильный отклик в его душе, что он уделял криминологической истории этих деяний много времени и исписал много страниц. Значительная часть его записок и рапортов по этой проблеме не была опубликована и в поле зрения ученых-юристов не попала. Соответственно, они не знали о той роли, которую Кони сыграл в эволюции уголовной политики по указанным группам преступлений.

А между тем его точка зрения оказывала большое влияние на его современников – юристов и чиновников, которые разрабатывали новое уголовное законодательство. Государственная Дума империи напрямую использовала его идеи пытаться уравнивать служебные преступления с остальными деяниями и лишить их специального процессуального статуса. Длительное время Кони участвовал в кампании против неудачной системы составов преступлений по делам о паспортах и внес свой вклад в ее модернизацию. Особо стоит отметить активное участие Кони в уточнении системы преступлений печати. Изменения в этой сфере в основном происходили под его влиянием. Обер-прокурор и сенатор считал, что ответственность авторов и особенно издателей точно не определена. При его настойчивости основные понятия в этой сфере были сформулированы и введены в имперское зако-

нодательство. Общее уточнение, усиление ответственности за преступления в печати в то же время совмещались с устранением мелочной опеки над ними.

Пристатейный библиографический список

1. *Кодинцев А. Я., Рыбин Д. В.* Российская и советская историография правовой деятельности Анатолия Федоровича Кони в конце XIX–XX вв. // Вопросы истории. 2020. № 11-1.

2. *Побегайло Э. Ф.* А. Ф. Кони и уголовное право // Правовые воззрения А. Ф. Кони и современность : сборник статей. М., 1994.

3. *Шаповалов А. В.* Правовые взгляды А. Ф. Кони и их влияние на проводимую в России судебно-правовую реформу : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005.

4. *Cordin C. Anatolij F. Koni (1844–1927). Zwischen Herrscher und Volk. Ein liberaler Jurist und seine autobiografische Praxis in Zarenreich und Sowjetunion.* Köln, 2019.

5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф.564, оп.1, д.474.

6. ГАРФ, ф.564, оп.1, д.673.

7. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф.1405, оп.543, д. 925.

8. РГИА, ф.1405, оп.543, д.927.

9. РГИА, ф.1405, оп.543, д.931.

10. РГИА, ф.1276, оп.12, д.122.

11. Рукописный отдел Института русской литературы и искусства (РО ИРЛИ), ф.134, оп.1, д.184.

12. *Кони А. Ф.* Должностные преступления и суд присяжных заседателей // Вестник права. 1916. № 48.

13. *Кони А. Ф.* Должностные преступления и суд присяжных заседателей // Вестник права. 1916. № 49.

14. *Кони А. Ф.* Суд и паспортная система / *Кони А. Ф.* За последние годы. СПб., 1896.

15. *Кодинцев А. Я., Штыкова Н. Н.* Уголовно-правовые и административно-правовые меры регулирования правонарушений в сфере печати в трудах А. Ф. Кони // История государства и права. 2022. № 9.

16. ГАРФ, ф.586, оп.1, д.789.

17. *Кони А. Ф.* По поводу преступлений печати / *Кони А. Ф.* За последние годы. СПб., 1896.

18. ГАРФ, ф.564, оп.1, д.666.

References

1. *Kodintsev A. Ya., Rybin D. V.* Russian and Soviet Historiography of the Legal Activities of Anatoly Fedorovich Koni at the End of the 19th–20th Centuries. *Questions of History*, 2020, no. 11-1. (In Russ.)

2. *Pobegailo E. F.* A. F. Koni and Criminal Law. In *Legal Views of A. F. Koni and Modernity: Collection of Articles*. Moscow, 1994. (In Russ.)

3. *Shapovalov A. V. Legal Views of A. F. Koni and Their Influence on the Ongoing Judicial and Legal Reform in Russia: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Krasnodar, 2005. (In Russ.)*

4. *Cordin C. Anatolij F. Koni (1844–1927). Zwischen Herrscher und Volk. Ein liberaler Jurist und seine autobiografische Praxis in Zarenreich und Sowjetunion. Köln 2019.*

5. State Archive of the Russian Federation (GARF), f.564, op.1, d.474. (In Russ.)

6. GARF, f.564, op.1, d. 673. (In Russ.)

7. Russian State Historical Archive (RGIA), f.1405, op.543, d. 925. (In Russ.)

8. RGIA, f.1405, op.543, d.927. (In Russ.)

9. RGIA, f.1405, op.543, d.931. (In Russ.)

10. RGIA, f.1276, op.12, d.122. (In Russ.)

11. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature and Art (RO IRLI), f.134, op.1, d.184. (In Russ.)

12. *Koni A. F. Malfeasance and Jury Trial. Herald of Law. 1916. No. 48. (In Russ.)*

13. *Koni A. F. Malfeasance and Jury Trial. Herald of Law. 1916. No. 49. (In Russ.)*

14. *Koni A. F. Court and Passport System. In Over Recent Years. St. Petersburg, 1896. (In Russ.)*

15. *Kodintsev A. Ya., Shtykova N. N. Criminal-Legal and Administrative-Legal Measures of Regulation of Offenses in the Field of Printing in the Works of A. F. Koni. History of State and Law, 2022, no. 9. (In Russ.)*

16. GARF, f.586, op.1, d. 789. (In Russ.)

17. *Koni A. F. Concerning Crimes of the Press. In Over Recent Years. St. Petersburg, 1896. (In Russ.)*

18. GARF, f.564, op.1, d. 666. (In Russ.)

Сведения об авторах:

А. Я. Кодинцев – доктор юридических наук, профессор.

Ю. В. Мишалченко – доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors:

A. Ya. Kodintsev – Doctor of Law, Professor.

Yu. V. Mishalchenko – Doctor of Law, Professor.

Статья поступила в редакцию 10.12.2022; одобрена после рецензирования 10.01.2023; принята к публикации 01.02.2023.

The article was submitted to the editorial office 10.12.2022; approved after reviewing 10.01.2023; accepted for publication 01.02.2023.